

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Продолжаем цикл публикаций нового проекта Александра Жабского «Мое поколение». Сегодня на наши вопросы отвечает президент Национальной федерации психоанализа, ректор Восточно-Европейского института психоанализа, доктор психологических наук академик **Михаил РЕШЕТНИКОВ**.

— **Вспоминаете ли вы прошедшее не в связи с событиями личной жизни? Если да, то что именно вспоминается из 50-, 60-, 70-, 80-, 90-х годов?**

— Вероятно, речь идет о событиях, далеко выходящих за пределы личной жизни, но они все равно вторгались в нее и, естественно, обретали какой-то личный смысл. Из 50-х первое, что вспоминается, как плакала мать, узнав о смерти Сталина. В 60-х самое мощное впечатление — всенародное ликование и захлестывающее чувство национальной гордости в день полета Гагарина. Семидесятые никаких следов не оставили, кроме глубоко личных. 80-е годы — годы надежд и разочарований, связанных с перестройкой, утрата иллюзий о «самом лучшем» советском строе (у меня это случилось достаточно поздно — в 1986-м, уже через месяц после первой командировки в Афганистан). В 90-е годы — приватизация. Ее авторы, отнюдь не безмоздые, провели ее именно в этом варианте. Главное, что при этом была утрачена традиционная общественная мораль и чрезвычайно важное для России стремление к социальной справедливости. Затем, конечно, путч 1991-го (я тогда был в команде Анатолия Собчака) и неожиданный повторный срок президента Бориса Ельцина (1996 г.), который я также (уже как советник администрации президента и заместителя главного редактора газеты «Российские вести») обеспечивал.

— **К чему в прошлом больше тяготеет ваша душа?**

— В прошлом осталось очень много из того, к чему тяготеет душа. Впрочем, как и того, чего она категорически не приемлет. Попробую перечислить, хотя не уверен, что смогу четко ранжировать по значимости эти утраты: общественный оптимизм, яркие социальные образцы, более высокие стандарты государственной морали и общественной нравственности; уважение к честному труду как единственному источнику социального и материального благополучия; высочайший статус образованности и знаний. Преимущественно все перечисленное — это моральные категории. А мораль и нравственность — это то, что не регулируется рынком. Скорее, наоборот.

— **Подпадали ли вы под чье-то человеческое влияние (в том числе и творческое или, если хотите, за исключением творческого) и насколько сильно?**

— Самое большое человеческое влияние на меня оказали, безусловно, мои родители, привившие любовь к знаниям и труду и понимание того, что каждый человек на протяжении всей жизни участвует в бесконечном соревновании за хорошее мнение о себе. А что касается уже осмысленного жизненного пути, то здесь главными были выдающийся невропатолог профессор Владимир Семенович Лобзин и академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, который и благославил меня на создание Института психоанализа. Их влияние чувствую до сих пор, хотя оба они уже ушли от нас. Это были люди дру-

Михаил Решетников: «Мораль и нравственность не регулируются рынком»

Для Михаила Решетникова сама жизнь — вечная загадка

гого человеческого измерения. Я до них не дотягиваю.

— **К чьему мнению вы сейчас прислушиваетесь, а к чьему и не хотели бы, да приходится?**

— Чаще всего сейчас, хотя это, возможно, прозвучит излишне самоуверенно, прислушиваюсь к собственному мнению. Бывает, что жалею об этом, а бывает и наоборот. Но всегда стараюсь не идти против себя, даже если вроде бы приходится.

— **С кем и с чем вы считаетесь: охотно; скрепя сердце; с отвращением, но деваться некуда?**

— Обычно считаю с мнением жены и коллег, в компетентности которых уверен. Скрепя сердце выслушиваю заведомо примитивные рассуждения. От «некуда деваться» вынужден считаться с некоторыми современными законами.

— **Как вы преодолеваете одиночество? Или даже не пытаетесь его преодолеть? Если так, то почему?**

— Одиночество для меня не проблема. Поскольку большую часть жизни провожу в режиме «вынужденного общения», иногда даже скучаю по одиночеству.

— **С какого времени вам стало интереснее быть с собой, нежели с другими людьми?**

— В общем-то, «быть с собой» — очень неопределенное понятие. Быть только с собой можно и в толпе. Я всегда был, скорее, «кабинетным» человеком, несмотря на внешне иной имидж. Домашние уроки, еще в школе, обычно делал по 5-6 часов. Опыт показывает, что вы становитесь интересным для других не в результате просмотра одних и тех же программ по ТВ, а когда вы в одиночестве находите (у заслуживающих внимания авторов) или создаете новое знание.

Для меня «быть с собой» — значит улучшать себя и готовиться к непохожести на большинство.

— **Когда у вас была последняя любовь? Какая она, по вашему ощущению: последняя в жизни или будут еще?**

— Последняя любовь еще длится. А что будет дальше — это всегда тайна. С годами начинаешь понимать, что и любовь, и дружба — это работа. Если ты хочешь сохранить свои душевные привязанности, «душа обязана трудиться».

— **Многие люди в нашем возрасте, даже самые жизнелюбы, так или иначе начинают прощаться с жизнью. Как это происходит у вас?**

— Хочется надеяться, что до прощания с жизнью еще далеко. Но здесь все так же непредсказуемо, как и в любви, и никто заранее не знает ни своего звездного, ни своего последнего часа. Было бы обидно успеть все и потом тупо дожидаться, когда же Бог приберет тебя. Надеюсь всего не успеть.

— **Есть ли еще что-то такое в жизни из ее явлений (не проявлений!), что вам пока неизвестно и вами неизведано? Есть ли, другими словами, для вас в жизни что-то непознанное?**

— Конечно, есть. Сама жизнь — вечная загадка. Я, еще будучи студентом-медиком (мой собеседник закончил Военно-медицинскую академию им. Кирова. — Прим. А. Ж.), как-то не очень верил в Дарвина и его теорию происхождения видов. Почему, если материя вечна, сознание должно было появиться как-то вдруг, здесь и сейчас? Я принимаю то, что человек не вечен, и, более того, уверен, что и Человечество не вечно. Но и признавая это, считаю, что жить нужно так, как будто перед тобой вечность.

— **Что сейчас способно доставить вам настоящую радость, а что — огорчение и печаль?**

— Прозвучит эгоистично, но настоящую радость ощущаю, когда удается что-то хорошее в профессиональной сфере. Огорчение и печаль — это в основном когда что-то не ладится в семье или у детей. Но уже знаю, что в жизни может быть все, включая то, что нельзя пережить, и с этим приходится жить. В моей последней книге «Психическая травма» я даже допустил такую не слишком оптимистическую фразу: «Жизнь исходно травматична». Но пока мы живы — всегда есть надежда на лучшее. Хотя эту надежду нужно активно приближать, а не ждать «на печке», когда снизойдет та или иная благодать.

— **Когда, по-вашему, заканчивается жизнь: в момент смерти, до нее, когда-то после?**

— Жизнь конкретной личности заканчивается тогда, когда умирает последний из тех, кто помнил о ней. Причем неважно, на каком уровне существует эта память: на мировом, государственном или на семейном. Но память должна быть обязательно, потому что, как писал великий мыслитель Чингиз Айтматов, если потомки ничего не будут знать о своих предках, то никто не будет стыдиться плохих поступков. К сожалению, именно в этом беспомоществе мы здорово «преуспели».

— **В какое время года вам лучше работается? В какое время суток лучше думается?**

— Лучше всего работается осенью и зимой. Мое время — это «дождем благоухающий вечер», а летом и весной вечера короткие.

— **Какие предметы материального мира сейчас имеют для вас значение, а какие — нет?**

— Материальный мир должен быть достаточно комфортным для работы и жизни. Я немного сибарит, люблю красивые вещи, вкусную еду, большие пространства, строгий порядок, хорошие книги. Хотел написать, что не имеют значения деньги, но это было бы неправдой, просто я никогда не чувствовал себя бедным.

— **По каким делам, по-вашему, вас запомнят: все; знакомые с вами люди; ваши родные и близкие?**

— Мне трудно и не хочется думать об этом. Применительно к жизни любого человека этот вопрос уместен, только когда о нем можно говорить в прошедшем времени. Это может быть только внешней оценкой.

— **Когда вы поняли, что ваше дело не имеет абсолютной значимости в вашей жизни?**

— Я этого до сих пор не понял. Мое дело по-прежнему значимо для меня и не завершено. И надеюсь, что я его так и не завершу. Познание — всегда неизвестность. И всякое новое знание начинается с разочарования знанием предшествующим. Я надеюсь еще не раз разочароваться. Иначе было бы скучно жить.

Беседовал
Александр ЖАБСКИЙ

ПЕРЕЖИВАЕМ
ИСТОРИЮ ЗАНОВО

О чем писали
российские газеты
100 лет тому назад,
в сентябре 1906 года

«СВЕТ»

7 сентября

Гр. С. Ю. Витте в своем письме дает весьма интересную характеристику кабинета П. А. Столыпина и положения дел в данный момент. Гр. Витте пишет: «Кабинет П. А. Столыпина, опирающийся на самые правые политические группы страны, является диаметральной противоположностью тех политических взглядов и конечных целей, которыми руководился постоянно я. Следовательно, мы люди совершенно разных миров и систем, а для смены кабинета нет совершенно никаких оснований: он популярен, независим, ему верят, словом, ему счастье улыбается... И я всей душой желаю г. Столыпину дальнейших успехов: ведь России так нужен спокойный производительный труд...»

«ДЕНЬ»

11 сентября

Тенишевское училище сделало обзор за прошедший год поведения учащихся. Политическая булга захватила и учащихся и отразилась на успешности учебных занятий, конечно, в неблагоприятном смысле. В характеристиках о каждом из учеников указывается, что многие способные юноши, прежде весьма горячо отдававшие науке, интересовались усвоением преподаваемого учения, ныне превратились в верхоглядков, обнаглели, свысока относятся к учителям, утеряли веру в авторитет и пр. Начальство рекомендует родителям обратить внимание на эти новые черты учащихся...

Не поздно ли только? Где эти родители были до сих пор?

«СВЕТ»

12 сентября

9 сентября в 12 часов дня явился в Александровский институт к начальнице его, графине Марии Коновницыной, неизвестный молодой человек, назвавшись часовщиком, заявил, что он прислан часовых дел мастером Розеном взять для ремонта часы. Дочь начальницы, зная, что Розен действительно производит в институте проверку и ремонт всех часов, в отсутствие матери разрешила молодому человеку взять большие бронзовые часы, которые стояли в кабинете начальницы. По наведенным справкам выяснилось, что Розен никого за часами в институт не посылал. Стоимость похищенных часов оценена не менее 300 рублей. К розыску «часовщика»-злоумышленника приняты меры.

Подготовила
Людмила АЛЕКСАНДРОВА